

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-191-207

EDN: LNRKCC

Научная статья / Research article

«Большая стратегия» КНР в контексте китайско-американского стратегического соперничества

Г. Чэн

Нанкинский университет науки и технологий, Нанкин, Китайская Народная Республика

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 ivanc25@yahoo.com

Аннотация. Рассмотрена трансформация «большой стратегии» Китайской Народной Республики (КНР) через призму продолжающегося долгосрочного стратегического соперничества КНР — США. В последние годы среди исследователей растет популярность изучения «большой стратегии» КНР в глобальной политике, хотя до сих пор в международном академическом сообществе в изучении этой темы доминирует американская школа, основанная на американском реализме. Задачи исследования — взглянуть на «большую стратегию» Китая с точки зрения самой КНР, изучить эволюцию китайской политики США и трансформацию «большой стратегии» КНР в эпоху стратегического соперничества. В частности, продемонстрирована связь между эволюцией «большой стратегии» КНР и состоянием китайско-американских отношений. Также проанализированы последствия трансформации «большой стратегии» КНР. Методологически исследование опирается на сравнительный анализ. Описана концептуальная структура, иллюстрирующая, как политика и подходы США в отношении КНР управляют китайско-американским соперничеством и трансформируют «большую стратегию» КНР, оказывая влияние на реализацию внешней политики Китая. Автор приходит к выводу, что именно стратегическое соперничество и политика США в отношении Китая приводят к трансформации «большой стратегии» КНР из защитной в наступательную модель. Блоковая политика выступает одним из определяющих факторов китайско-американского противостояния, однако в случае США явная антикитайская направленность блоков, создаваемых Вашингтоном, может вызвать негативную реакцию потенциальных союзников. В свою очередь, Китай, опираясь на государства Глобального Юга, также выстраивает сеть глобальных партнерств, в которой значимую роль могут сыграть такие структуры, как БРИКС, которая становится все более притягательной для развивающихся стран, и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая в случае нового расширения способна стать крупнейшим военно-политическим блоком на евразийском пространстве.

Ключевые слова: конкуренция великих держав, политика США в отношении КНР, Дональд Трамп, Джоозеф Байден, трансформация политики, контрстратегия, внешняя политика

Благодарности. Данная статья посвящена памяти Джоозефа С. Ная (1937–2025), сооснователя теории неоллиберализма, основателя теории «мягкой силы» и «умной силы», а также авторитетного американского эксперта в области изучения Китая и китайско-американских отношений.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чэн Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Чэн Г. «Большая стратегия» КНР в контексте китайско-американского стратегического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 191–207. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-191-207>

China's Grand Strategy in the Context of the Sino-US Strategic Rivalry

Guo Cheng

Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, People's Republic of China

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ivanc25@yahoo.com

Abstract. The study focuses on the transformation of China's grand strategy in the context of the ongoing, long-term Sino-US strategic rivalry. In recent years, there has been an increasing interest in the study of China's grand strategy in global politics. To date, at the international level, the relevant study has been overwhelmingly dominated by the American school and narrative based on American realism. This paper therefore conducts the relevant research from a Chinese perspective. The study explores the evolution of the US China policy and the transformation of China's grand strategy in the context of the Sino-US strategic rivalry. In particular, it demonstrates the linkage between China's grand strategy evolution and the Sino-US relations. Furthermore, it provides an analysis of the implications of China's grand strategy transformation. The research methodologies mainly contain comparative, analytical and inductive approaches. A conceptual framework is outlined, illustrating how the US policy and approaches towards China navigate the Sino-US rivalry and transform China's grand strategy-making and its foreign policy implementation. The author concludes that it is the strategic rivalry and US policy towards China that are transforming China's "grand strategy" from a defensive to an offensive model. Bloc-driven policy is one of the defining factors in the Chinese-American confrontation. However, in the case of the U.S., the obvious anti-Chinese orientation of the blocs created by Washington may cause a negative reaction from potential allies. In turn, China, relying on the states of the Global South, is also building a network of global partnerships in which such structures as the BRICS, which is becoming increasingly attractive to developing countries. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is also a significant player, and if it expands further, it could become the largest military-political bloc in the Eurasian space.

Key words: great power competition, US policy towards China, Donald Trump, Joseph Biden, policy transformation, counterstrategy, foreign policy

Acknowledgements. This article is dedicated to the memory of Joseph S. Nye Jr. (1937–2025), a co-founder of neoliberal theory, a founder of the theory of "soft power" and "smart power," and an authoritative American expert on Chinese studies and Sino-American relations.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Cheng, G. (2025). China's grand strategy in the context of the Sino-US strategic rivalry. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 191–207. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-191-207>

Введение

Подъем Китайской Народной Республики (КНР) становится константой современной глобальной политики. «Большая стратегия» КНР, второй по величине экономики мира, привлекла внимание исследователей. Американские ученые наиболее активно анализируют «большую стратегию» КНР на международном уровне, однако невнимание к долгой истории Китая и его философии приводит к фундаментальному непониманию западными учеными Китая и его стратегических

намерений, что в итоге приводит к серьезным искажениям при анализе внешней политики КНР в современных международных исследованиях.

Десятилетняя политика «сдерживания и вовлечения» в отношении КНР, реализуемая США, начала меняться в 2008 г., который эксперты считают поворотным моментом в процессе «властного транзита» между двумя странами. Возможный упадок Запада после финансового кризиса, произошедшего в том же году, приводит к спекуляциям о подъеме

КНР и его последствиях. Президентство Б. Обамы, очевидно, продемонстрировало сложность позиции Вашингтона в отношении Пекина в контексте подъема КНР. В свою очередь администрация Д. Трампа принципиально отвергла историческую традицию, в соответствии с которой Вашингтон стремился проводить сбалансированную политику в отношении Китая. Текущее состояние международных отношений в значительной степени формируется под влиянием представления о том, что Вашингтон вступает в период «соперничества великих держав» с Пекином. По разобщенности, которую это соперничество спровоцирует внутри мирового сообщества, американо-китайское противостояние будет сопоставимо с периодом холодной войны.

Обзор литературы и методология исследования

Популярность термина «большая стратегия» возросла экспоненциально в постбиполярную эпоху. Однако до сих пор отсутствует единое мнение относительно его определения (Silove, 2018). Б. Позен считает, что «большая стратегия» — это теоретические представления государства о том, как следует обеспечивать собственную безопасность (Posen, 2014). Другие исследователи предлагают относительно распространенное определение «большой стратегии» как «долгосрочной стратегии государства по использованию военных или невоенных средств для продвижения и достижения национальных интересов» (Balzacq & Krebs, 2021, pp. 2–4). Согласно третьему определению, под «большой стратегией» понимается «концептуальная архитектура, которая обуславливает структуру и форму внешней политики»¹.

В США сложилось несколько подходов к исследованию «большой стратегии»: «первенство», «превосходство» и «гегемония» (Porter, 2018). В рамках традиционного западного подхода принято рассматривать

«большую стратегию» и международный порядок в рамках парадигмы реализма и теории «властного транзита», а затем исследовать, каким образом растущие державы борются за изменение гегемонистского порядка (Mastanduno, 1997). Этот подход также позволяет объяснить влияние восприятия мощи и угрозы со стороны устоявшегося гегемона на формирование «большой стратегии» растущих держав².

Среди китайских ученых Чэн Явэнь определил «большую стратегию» как макроконцепцию (Cheng, 2018). Мэн Хунхуа включил в сферу исследования элемент «оценки стратегической среды» (Men, 2020). Доу Гоцин выявил мотивы для поддержания Соединенными Штатами своей глобальной гегемонии (Dou, 2024). Ван Цзисы составил рейтинг приоритетных для Китая интересов и внешних угроз в рамках анализа «большой стратегии» КНР (Wang, 2011, p. 68). Сун Дэсинь сосредоточился на теоретическом построении «большой стратегии» КНР в контексте подъема Китая (Song, 2013, pp. 42–46). Ван Фан сосредоточился на изучении «стратегического ранжирования» направления и целей «большой стратегии» КНР (Wang, 2022, p. 1). Однако в некоторой степени изучение китайской «большой стратегии» все еще остается *terra incognita* для академического сообщества КНР (Men, 2020).

Среди российских ученых некоторые полагают, что КНР формулирует свою «большую стратегию», ориентируясь на Глобальный Юг и «инновационные» международные организации (Грачиков, Сюй, 2022, с. 7), а также предлагают концептуальный анализ «большой стратегии» КНР с точки зрения национальных интересов (Грачиков, Чжоу, 2023, с. 75). Другие эксперты выявляют эволюцию взглядов китайских ученых на китайско-американское соперничество и мировой порядок (Шарипов, Тимофеев, 2023).

² Doshi R. The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order // Brookings. August 2, 2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-long-game-chinas-grand-strategy-to-displace-american-order/> (accessed: 09.04.2024).

¹ Kahl C., Brands H. Trump's Grand Strategic Train Wreck // Foreign Policy. January 31, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/31/trumps-grand-strategic-train-wreck/> (accessed: 09.04.2024).

Конкуренцию великих держав невозможно понять без исторического обоснования. Столетие противостояния великих держав побуждает западных ученых проводить аналитические исследования с использованием различных методологических подходов и индуктивно приходиться к выводу о неизбежности конкуренции между растущей державой и действующим гегемоном (Gaddis, 1992; Allison, 2017). На Западе обычно полагаются на иерархическую модель (Organski, 1958) для определения «неудовлетворительного» положения растущей державы в международной системе, считая, что растущая держава может стать «ревизионистской» и «нарушающей правила» (Gilpin, 1981; Renshon, 2017; Mukherjee, 2022). В целом конкуренция великих держав основана на традиционном подходе к политике с позиции силы, а обострение междержавной конкуренции рассматривается как показатель парадигмального сдвига в международной системе (Miles & Miller, 2019).

Изучение Китая в США в эпоху конкуренции великих держав

Еще в 2005 г. А. Голдштейн предположил, что «большая стратегия» КНР заключается в перестройке мирового порядка, и подчеркнул, что КНР не может оставаться державой, согласной на сохранение статус-кво, поскольку подъем КНР напрямую ведет к изменению правил (Goldstein, 2005). С тех пор скептицизм в отношении подъема КНР значительно усилился. Теоретическая база изучения Китая в значительной степени определяется теорией наступательного реализма, которая сложилась в рамках американской школы международных отношений и впоследствии была развита представителем Чикагской школы, профессором Дж. Миршаймером, утверждающим, что КНР будет неизбежно стремиться к доминированию вместо мирного возвышения (Mearsheimer, 2014, p. 368).

Со времен второго президентского срока Б. Обамы интерпретация «большой стратегии» КНР в США прошла путь от заявлений о «стратегическом оппортунизме» Китая до

анализа «планов на столетие», якобы реализуемых Пекином³. В эпоху первого президентства Д. Трампа исследования «большой стратегии» КНР отражали различные понимания многочисленных измерений этой стратегии, которая рассматривалась как глобальная проекция растущей комплексной мощи КНР (Krieger, 2022). «Большая стратегия» Китая характеризовалась как долгосрочная и искусная (China's Grand Strategy..., 2021, p. 21), а в качестве ее элементов было принято выделять культурную дипломатию КНР и продвижение «мягкой силы» (Nye, 2023). Кроме того, утверждалось, что «большая стратегия» КНР направлена на оценку стратегического баланса сил КНР и США (China's Grand Strategy..., 2021). Отмечалось, что Пекин стремится трансформировать существующий мировой порядок, переходя от «построения регионального порядка» к «продвижению собственного глобального лидерства» (Doshi, 2021).

В свете растущей поляризации, характеризующей общество США после начала первого президентского срока Д. Трампа, американские эксперты изменили свои представления о Китае и анализе политики США на китайском направлении в контексте реализации Вашингтоном конфронтационного курса в отношении КНР. В результате характер исследований Китая при администрации Д. Трампа 1.0 радикализировался, пройдя путь от «понимания Китая» до «противодействия Китаю». Такие крупные аналитические центры, как *RAND Corporation*⁴ и Брукингский институт, сосредоточились на том, как победить КНР, а не на том, как иметь с ней дело. Например, в докладе *RAND* были

³ См.: Danner L. The Debate on China's Grand Strategy // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/299604307_The_Debate_on_China's_Grand_Strategy (accessed: 09.04.2024); Stanzel A., Rolland N., Jacob J., Hart M. Grand Designs: Does China Have a "Grand Strategy"? // European Council on Foreign Relations. October 18, 2017. URL: https://ecfr.eu/publication/grands_designs_does_china_have_a_grand_strategy/ (accessed: 19.01.2025).

⁴ Деятельность *RAND Corporation* признана нежелательной на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

предложены три траектории двусторонних отношений, одна из которых — «столкновение конкурентов» — могла привести к потенциальным конфликтам между КНР и США в среднесрочной и долгосрочной перспективе⁵.

Еще одним сигналом изменения тактики Вашингтона является риторика разделения партии и государства при изучении Китая: в процессе принятия политических решений роль правящей партии представляется решающей, что, по мнению Вашингтона, является «серьезной проблемой», поскольку, как полагают некоторые ученые, мотивация КНР глубоко укоренена в интересах ее правящей партии (Kachiga, 2022).

Следует отметить, что история подтверждает значительное влияние взаимного восприятия на динамику китайско-американских отношений (Zhu, 2013). Гибридная война, начатая американским медийно-академическим комплексом, всесторонне радикализируя американское восприятие Китая, неизбежно приведет к постановке неверных исследовательских задач при изучении Китая. В результате трансформация от сомнений и отрицания мирного подъема КНР к концептуализации «ловушки Фукидида» американскими учеными фактически проложила путь к поляризации политики Вашингтона в отношении КНР и изучения Китая.

Таким образом, изменение политики Вашингтона в отношении Пекина в эпоху соперничества между КНР и США основано на эффективной академической конструкции самопровозглашенного стратегического консенсуса соперничества и идеологии скептицизма в отношении КНР. Например, приписываемая Китаю «дипломатия долговой ловушки» была разработана как гипотеза в 2017 г.⁶, быстро проникла в работы,

⁵ Scobell A., Burke E., Cooper C., Lilly S., Ohlandt C., Warner E., Williams J. *China's Grand Strategy: Trends, Trajectories, and Long-Term Competition*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020. (Деятельность *RAND Corporation* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

⁶ Chellaney B. *China's Debt-Trap Diplomacy* // Project Syndicate. January 23, 2017. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-loans-debt-by-brahma-chellaney-2017-01> (accessed: 09.04.2024).

посвященные анализу внешней политики КНР, затем с подачи администрации Д. Трампа 1.0 стала предметом широкой дискуссии в западных странах, выразивших обеспокоенность такой дипломатией Пекина, а потом перекочевала в практику отношений с Китаем в качестве основного нарратива о нем. Однако, как ни странно, впоследствии эта гипотеза была развенчана и подвергнута сомнению самими западными исследователями⁷. Еще одним аспектом американской пропаганды против Китая является дискурс о «дипломатии воина-волка», в рамках которого дипломатические подходы Китая рассматриваются в качестве инструментов так называемой «борьбы за мировое господство» (Jiang, 2021).

Порожденное Вашингтоном соперничество между КНР и США

Президентство Д. Трампа 1.0. знаменует начало долгосрочного соперничества между КНР и США. С хронологической точки зрения именно Вашингтон начал торговую, технологическую, гибридную, культурную и финансовую войны против Пекина (табл. 1). США заняли более напористую позицию в этом процессе, в то время как КНР избрала реактивную позицию.

Во время первого президентства Д. Трампа Конгресс США выработал двухпартийный консенсус «ястребов» и внедрил «общеправительственные» подходы в отношении КНР (табл. 1). В целом первая администрация Д. Трампа приложила всеобъемлющие конфронтационные усилия с помощью следующих средств: во-первых, дипломатические и гибридные усилия Вашингтона по демонизации глобального имиджа КНР, с одной стороны, и дестабилизации внутриполитической обстановки в КНР — с другой; во-вторых, «технико-экономическая» война и блокада КНР с использованием многочисленных технонационалистических подходов; в-третьих, усилия по военному сдерживанию

⁷ Brautigam D., Rithmire M. *The Chinese "Debt Trap" Is a Myth* // The Atlantic. February 6, 2021. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/> (accessed: 09.04.2025). См. также: (Himmer & Rod, 2022).

Китая в Индо-Тихоокеанском регионе с целью окружить КНР; в-четвертых, приостановка межкультурной коммуникации обществ и закрытие двусторонних каналов культурного общения.

В период президентства Дж. Байдена технологическая конкуренция между державами значительно обострилась. Администрация Дж. Байдена приняла повестку дня «Защита и продвижение», отдавая приоритет

повышению американской конкурентоспособности за счет укрепления внутренних производственных цепочек и развития технологического потенциала. Под «защитой» в этой концепции подразумевается всеобъемлющая стратегия «декаплинга» и «снижения рисков» для сдерживания технологического развития КНР и ее исключения из глобальных цепочек поставок и создания стоимости (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов Д. Трампа 1.0. и Дж. Байдена к соперничеству с КНР

Критерии	Президентство Д. Трампа 1.0	Президентство Дж. Байдена
Политика США в отношении КНР	– Всеобъемлющая конфронтация и «технико-экономическая» война – «Декаплинг»	– Выборочная конкуренция – «Декаплинг» и «снижение рисков» – Технологическая политика «Маленький двор, высокий забор»
Ключевой принцип	Односторонняя конфронтация	Формирование коалиции союзников для противостояния Пекину
Основные подходы	Общеправительственные	– Укрепление собственных позиций – Укрепление международного сотрудничества с союзниками США
Оценки национальной идентичности КНР	– Ревизионистская страна – Глобальная угроза (синофобия)	– Самый значимый геополитический вызов для США – Системный соперник
Соответствие традиционной политике в отношении КНР	Значительно отличается от традиционной политики в отношении Китая, характеризующейся ультранаступательными и односторонними подходами	Соответствует традиционной политике, базирующейся на наступательном реализме
Сфера конфронтации/соперничества	Все сферы	– Технологическая сфера – Идеологическое противостояние – Финансовая война (новые элементы)
Сфера сотрудничества	Нет	Частично по вопросам изменения климата и НИОКР
Общие позиции по региональным вопросам	По вопросу Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) (2017 г.)	Отсутствие общих позиций
Основные глобальные усилия	Сосредоточение внимания на иностранной помощи и международном развитии США, принуждение стран — получателей из числа государств Глобального Юга занять чью-либо сторону, отсутствие конкретных контрмер, направленных против инициативы КНР «Один пояс, один путь» (ОПОП)	Сосредоточение на возглавляемой США глобальной сети альянсов, формулирование военно-промышленного блока АУКУС (Австралия, Великобритания, США) и технологического блока (СНП-4) для противодействия КНР, а также глобальной инициативы «Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям», нацеленной на противодействие ОПОП
Сходства	Сокращаются возможности для двустороннего сотрудничества, растет влияние конфронтационной политики и подходов	

Источник: составлено Чэн Го на основе: Issues // Trump White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/> (accessed: 10.01.2025); US — China Relations in the Biden Era: A Timeline // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-biden-era-a-timeline/> (accessed: 10.01.2025).

Более того, Вашингтон также спровоцировал идеологическое соревнование между двумя «системами», мобилизовав все так называемые «либеральные демократии» для противостояния КНР. При этом можно констатировать, что президент Дж. Байден придерживался более целенаправленного подхода к КНР по сравнению с тактикой «выжженной земли» президента Д. Трампа.

В целом изменение «большой стратегии» США вследствие подъема КНР породило современный раунд соперничества между КНР и США, в то время как радикализация политики США в отношении Китая обострила напряженность в двусторонних отношениях. Кроме того, при Дж. Байдене популярность приобрели рассуждения о «тупике», в котором оказались китайско-американские отношения, и возникновении гегемонистского вакуума, в условиях которого ни одна из сторон не способна решительно управлять тенденциями в международной системе⁸. Это не только обусловило принципиальное отличие текущего состояния соперничества между КНР и США от других случаев в истории (Wang, 2021), но и привело к перефокусированию внимания исследовательского сообщества с «конфронтации» при Д. Трампе 1.0. к «управлению конкуренцией» при Дж. Байдене⁹. В частности, получило широкое распространение использование исторических параллелей и аналогий в ходе принятия

администрацией Дж. Байдена решений в отношении КНР. Наибольшей популярностью пользовались сравнения современных китайско-американских отношений с «ловушкой Фукидида», «лунатизмом» 1914 г.¹⁰ и «новой холодной войной» (Nye, 2022).

Американские эксперты спорят о том, является ли политика Д. Трампа на китайском направлении новым политическим подходом или экспериментом и каково реальное влияние этой политики на будущие администрации. Р. Хасс утверждает, что, хотя администрация Д. Трампа 1.0. начала эксперимент по радикализации и поляризации политики в отношении КНР, у Вашингтона все еще есть стратегия выхода из сложившейся ситуации¹¹. Ярким свидетельством смещения приоритетов «большой стратегии» США в сторону соперничества с КНР является прозвучавшая в 2023 г. в одной из статей в журнале *Foreign Policy* критика «несвоевременного»¹² намерения президента Дж. Байдена изменить курс в отношении КНР в сторону потенциальной «перезагрузки». Доказательства более конфронтационной позиции Республиканской партии по сравнению с Демократической по отношению к Китаю также приведены в эссе о КНР двух видных политиков-республиканцев, в котором они призывают

⁸ Haenle P., Bresnick S. Why U.S. — China Relations Are Locked in a Stalemate // *Carnegie Endowment for International Peace*. February 21, 2022. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2022/02/why-us-china-relations-are-locked-in-a-stalemate?lang=en> (accessed: 09.04.2024). (Деятельность международной неправительственной организации *Carnegie Endowment for International Peace* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

⁹ Kennedy S. U.S. — China Relations in 2024: Managing Competition without Conflict // *Center for Strategic and International Studies*. January 3, 2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-china-relations-2024-managing-competition-without-conflict> (accessed: 09.04.2024). (Деятельность организации *Center for Strategic and International Studies* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

¹⁰ В 1914 г. все великие державы ожидали короткой третьей Балканской войны, которая бы прояснила баланс сил, однако вместо этого началась Первая мировая война. По выражению британского историка К. Кларка великие державы вели себя как «лунатики», в течение четырех лет ведя разрушительную войну, приведшую к губительным последствиям для международных отношений. См.: Nye J. S., Jr. *The China Sleepwalking Syndrome* // *Project Syndicate*. October 4, 2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/sleepwalking-to-war-with-china-by-joseph-s-nye-2021-10> (accessed: 07.05.2024).

¹¹ Hass R. *Lessons from the Trump Administration's Policy Experiment on China* // *Brookings*. September 25, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/articles/lessons-from-the-trump-administrations-policy-experiment-on-china/> (accessed: 09.04.2024).

¹² Mitchell A. W. *Why Biden's China Reset Is a Bad Idea* // *Foreign Policy*. June 2, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/02/biden-china-xi-burns-beijing-reset-detente-election-campaign/> (accessed: 09.04.2024).

администрацию Дж. Байдена перейти от управления конкуренцией к позиции холодной войны против КНР¹³.

«Большая стратегия» КНР в контексте соперничества с США

Китайские ученые в основном отвергают теорию «новой холодной войны» и ведут напряженные дебаты вокруг так называемого «стратегического соперничества» (Winkler, 2023). Пекин явно выступает против намерений и усилий Вашингтона, направленных на сдерживание развития КНР, полагая, что такой подход США к политике в отношении КНР был сформирован под влиянием «менталитета холодной войны». Руководство КНР полагает, что односторонняя внешняя политика США строится на восприятии конкуренции с Китаем как определяющей черте двусторонних отношений (Liu & He, 2023). В свою очередь Пекин в целом придерживается принципа «Надеясь на лучшее, готовиться к худшему» и по-разному реагирует на проявления стратегического соперничества со стороны Вашингтона (Wang, 2005).

Администрация Дж. Буша-мл. определила КНР как «стратегического конкурента» США, однако в свете событий 11 сентября 2001 г. проводила политику «вовлечения» на китайском направлении (Winkler, 2023, p. 346). В результате президентство Дж. Буша-мл. может рассматриваться как период расцвета в китайско-американских отношениях (табл. 2).

Со времен президентства Д. Трампа 1.0. официальные лица КНР неоднократно заявляли, что сторонам удалось выстроить отношения по «модели интеграции интересов» и подчеркивали важность «взаимовыгодного сотрудничества и отказа от конфронтации»¹⁴.

¹³ Pottinger M., Gallagher M. No Substitute for Victory: America's Competition with China Must Be Won, Not Managed // Foreign Affairs. April 10, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/no-substitute-victory-pottinger-gallagher> (accessed: 11.05.2025).

¹⁴ См.: Zhong S. Zhongmei yijing xingcheng "nizhongyouwo, wozhongyouni" liyijiaorong geju [КНР и

В табл. 2 представлены шаги КНР в ответ на политику Вашингтона в отношении Пекина и отражена динамическая трансформация стратегических контрмер КНР в компоненты ее «большой стратегии». С 2013 г. наблюдается постепенное нарастание напряженности в двустороннем взаимодействии, что проявилось как в элементах «больших стратегий» обоих государств, так и в подходах к отношениям с оппонентом, а с 2017 г. интенсивность противостояния стала нарастать стремительными темпами. На уровне политики три глобальные инициативы КНР являются первой в истории концептуализированной версией ее «большой стратегии». Предложение КНР о «новом типе отношений между крупными державами», выдвинутое в 2013 г., является логичным ответом на американскую концепцию G2, озвученную в 2009 г. (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 216).

Формирование Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и прорыв в торговых отношениях между КНР и Европейским союзом (ЕС) в 2020 г. являются элементом реализации наступательной внешней политики КНР в разгар торговой войны с США. Более того, Пекин немедленно и жестко отреагировал на повышение Вашингтоном тарифов на китайские товары в рамках торговой войны, развязанной второй администрацией Д. Трампа. С тех пор «большая стратегия» Китая трансформируется в новую модель: с одной стороны, Пекин активно реализовывает свою более независимую и прагматичную внешнюю политику, а с другой — стремится сбалансировать негативное влияние конфронтационных подходов США в условиях обострившегося соперничества.

США сформировали модель взаимных интересов по принципу «ты во мне, я в тебе» // Xinhua. March 11, 2017. (На китайском языке). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017lh/2017-03/11/c_1120610740.htm (accessed: 28.03.2024); Zhongmei yinggai zuohuoban, erfeiduishou (zhōng shēng) [КНР и США должны быть партнерами, а не противниками] // People.cn. April 28, 2024. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2024/0428/c1002-40225292.html> (accessed: 08.03.2025).

Таблица 2. Хронология китайско-американских отношений в 2004–2025 гг.

Год	США	КНР
2004	–	Принцип «мирного развития»
2005	Стратегия «ответственного участника», предложенная Китаю Соединенными Штатами	Закон против раскола (проблема Тайваня)
2009–2010	Концепция G2 (Кимерика)	КНР отвергла G2 и выступила против гегемонии
2011–2012	Администрация Б. Обамы проводила политику перебалансировки («поворота в Азию») в рамках своей «большой стратегии» по сдерживанию КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)	Белая книга «Мирное развитие Китая» концептуализировала принципы и стратегию развития КНР
2013	США поддержали Японию, Вьетнам и Филиппины в территориальных спорах с КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях	– Новый тип отношений между крупными державами – «Дипломатия соседства» – Инициатива «Один пояс, один путь» – Концепция «Сообщества единой судьбы человечества»
2015	Разработка и реализация Вашингтоном стратегии по «свободе судоходства» приводят к росту напряженности в Южно-Китайском море	– Цифровой Шелковый путь – Защитные меры КНР в Южно-Китайском море
2016	Растущий популизм в мире, представленный Брекзитом и феноменом Д. Трампа	Саммит G20 в Ханчжоу: стремление расширить участие Китая в глобальном управлении
2017	«Стратегия национальной безопасности» и «Стратегии национальной обороны» в эпоху Д. Трампа: возрождение конкуренции великих держав Развертывание противоракетных комплексов ТНААД в Южной Корее; восстановление «Квад»	Председатель Си Цзиньпин на Давосском экономическом форуме выступил в поддержку глобализации и пообещал, что КНР всегда будет продолжать политику «реформ и открытости»
2018	– Торговая война – Технологическая война – Гибридная война – Закон Конгресса по вопросу Тайваня	– Ледяной Шелковый путь – КНР приняла контрмеры в торговой войне
2019	– Стремительное ухудшение двусторонних отношений – Поддержанные США беспорядки в Гонконге – Закон Конгресса по вопросу Гонконга	В Белой книге «Национальная оборона КНР в новую эпоху» введена концепция «зарубежных интересов», подчеркивающая важность интересов китайских организаций и учреждений за рубежом
2020	– Усилия по демонизации КНР в связи с пандемией COVID-19 – Всеобъемлющая конфронтация и эскалация – Многочисленные акты Конгресса по вопросам Тайваня, Гонконга, Синьцзяна и Тибета, введение санкций в отношении КНР – Двусторонние отношения достигли самой низкой точки с 1979 г.	– Политика «двойной циркуляции», направленная на взаимное укрепление внутреннего и внешнего рынков Китая – Шелковый путь здравоохранения – «Масочная дипломатия» – «Вакцинная дипломатия» – «Закон о национальной безопасности Гонконга» – Всестороннее региональное экономическое партнерство и Всеобъемлющее инвестиционное соглашение между КНР и ЕС
2021	– Создание «демократической коалиции» и «Демократического саммита» – «Закон об инновациях и конкуренции» – «Закон о стратегической конкуренции» – Формирование АУКУС	– «Антиковидная дипломатия» – Первый после пандемии коронавируса прямой диалог между китайскими и американскими дипломатами («переговоры на Аляске»), в ходе которого стороны выдвинули различные обвинения в адрес друг друга

Окончание табл. 2

Год	США	КНР
		<ul style="list-style-type: none"> – Китайская сторона установила «три основные черты» и выдвинула «два списка ключевых проблем» в отношениях с США – КНР признала режим талибов (запрещены в РФ) новым правительством в Афганистане
2022	<ul style="list-style-type: none"> – «Закон America COMPETES» – «Закон о чипах и науке» – Визит спикера Палаты представителей Н. Пелоси на Тайвань – Формирование «Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям» 	<ul style="list-style-type: none"> – КНР приняла контрмеры в ответ на визит американского чиновника на Тайвань и провел крупномасштабные военные учения вблизи острова – Принята Глобальная инициатива развития (GDI)
2023	<ul style="list-style-type: none"> – Реализация технологической политики «Маленький двор, высокий забор» – Вашингтон развязал «войну чипов» с Пекином 	<ul style="list-style-type: none"> – Ирано-саудовское соглашение, заключенное при дипломатическом посредничестве КНР – Принята Глобальная инициатива безопасности (GSI) – Принята Глобальная инициатива цивилизации (GCI)
2024	<ul style="list-style-type: none"> – Вашингтон ускорил усилия по «декаплингу» – Вашингтон спровоцировал обострение технологической войны посредством массового принятия законов об ограничениях торговли и эмбарго в сфере полупроводниковой и индустрии искусственного интеллекта (ИИ) – Новоизбранный президент Трамп сформировал свою вторую администрацию с большинством членов кабинета министров, настроенных против КНР, что свидетельствует о конфронтационном характере политики Вашингтона в отношении КНР на ближайшие годы 	<ul style="list-style-type: none"> – Активное применение китайской «дипломатии главы государства» усилило стратегическое взаимодействие КНР со всем миром в эпоху после пандемии – Пекин ужесточил правила экспортного контроля в отношении важнейших полезных ископаемых и товаров двойного назначения
2025	<ul style="list-style-type: none"> – Д. Трамп объявил о своем амбициозном проекте <i>Stargate</i>, направленном на сохранение американской гегемонии в сфере ИИ и начало «холодной войны ИИ» с КНР – Вашингтон признал <i>DeepSeek</i> угрозой национальной безопасности и ввел всеобъемлющий запрет на его использование – Д. Трамп возобновил торговую войну против КНР 	Китайский гигант ИИ <i>DeepSeek</i> бросил вызов американскому доминированию в сфере ИИ

Источник: составлено Чэн Го на основе: The State Council Information Office of the PRC. URL: <https://english.www.gov.cn/> (accessed: 16.04.2025); Issues // Trump White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/> (accessed: 10.01.2025); US — China Relations in the Biden Era: A Timeline // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-biden-era-a-timeline/> (accessed: 10.01.2025).

«Технико-экономическая» война, начатая Д. Трампом против Китая, играет ключевую роль в формировании политики «двойной циркуляции» в КНР, смещая стратегические приоритеты с внешних рынков на внутренний рынок. Стремясь стимулировать национальное развитие в ответ на растущий популизм и

национализм во всем мире¹⁵, эта политика превратила КНР из «полупериферии» в

¹⁵ Wang Z. H. Kan XiJinping zhejici zhongyao jianghua, nongdong “daxunhuan” “shuangxunhuan” [Понимание «большой циркуляции» и «Двойной циркуляции» через несколько основных речей Си Цзиньпина] // Xinhua. September 5, 2020. (На китайском

«центр» мировой экономики на стратегическом уровне (Матвеева, Чжао, 2021). Кроме того, Пекин фокусируется на продвижении «дипломатии соседства» на региональном уровне, чтобы смягчить негативное влияние сдерживающих усилий Вашингтона через свою глобальную сеть альянсов. В результате Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) стала крупнейшим торговым партнером КНР в 2020 г., обогнав ЕС¹⁶.

Радикальная трансформация внешней политики КНР произошла в эпоху после пандемии. Поддержка правительства талибов в Афганистане в 2021 г. знаменует собой существенный сдвиг политики КНР в сторону контрстратегии противодействия Вашингтону (Zhang, 2022). Кроме того, Пекин играл видную роль международного посредника как в украинском конфликте, так и в ирано-саудовской сделке, в то время как Вашингтон в рамках своей конфронтационной политики боролся как против России, так и против Ирана. В частности, соглашение между Ираном и Саудовской Аравией отражает растущее влияние КНР среди крупных держав в регионе Персидского залива. Пекин получил стратегическое преимущество в условиях «геополитического вакуума», в то время как Вашингтон быстро теряет влияние в нескольких регионах в эпоху после пандемии¹⁷.

Обострение технологического соперничества между КНР и США ускорило комплексные усилия КНР, сосредоточенные на внутренних НИОКР в стремлении к технологической самодостаточности и продвижению китайских прикладных высоких технологий через «Цифровой шелковый путь» среди стран Глобального Юга (Cheng, 2022). Несмотря на комплексную технологическую

языке). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2020-09/05/c_1126455277.htm (accessed: 01.04.2024).

¹⁶ Medina A. F. ASEAN Overtakes EU to Become China's Top Trading Partner in Q1 2020 // ASEAN Briefing. May 15, 2020. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/asean-overtakes-eu-become-chinas-top-trading-partner-q1-2020/> (accessed: 09.04.2024).

¹⁷ Siu-kai L. Middle East Sees Rising Chinese Influence as US' Declines // China Daily. July 4, 2024. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/587312> (accessed: 06.03.2025).

блокаду со стороны Вашингтона в последние годы, китайские высокотехнологичные компании продолжали внедрять инновации и добиваться прогресса в таких ключевых секторах, как полупроводники и ИИ, а китайская экономическая модель позволяет реализовывать долгосрочные стратегии¹⁸. Шок от появления нейросети *DeepSeek* в отрасли ИИ в январе 2025 г. продемонстрировал выдающийся технологический прорыв КНР и ее потенциал в области передовых технологических инноваций.

Таким образом, трансформация «большой стратегии» КНР была вызвана эволюцией защитных мер КНР в ответ на политику США, переходом от пассивной модели к наступательной и более прагматичным подходом к обслуживанию основных глобальных интересов КНР. Очевидно, некоторые американские эксперты признали, что политика США является движущим фактором в формировании поведения КНР (Fingar & Lampton, 2023) и тон внешней политики КНР становится все более уверенным¹⁹. С более широкой точки зрения позиция КНР трансформируется из «стратегической защиты» в «стратегическое балансирование» в динамике соперничества с США. Следует отметить, что американское восприятие в настоящее время также, по-видимому, трансформируется, и после возвращения президента Д. Трампа в Белый дом защитный характер стратегии КНР был переоценен, поскольку некоторые ученые подчеркивали, что КНР подрывает американскую гегемонию вместо того, чтобы стремиться к доминированию²⁰. В свою

¹⁸ Partsinevelos D. Can China Become the World's Top Tech Leader? // MSN. February 19, 2025. URL: <https://www.msn.com/en-us/news/technology/can-china-become-the-world-s-top-tech-leader/ar-AA1zlvM0> (accessed: 11.03.2025).

¹⁹ Yan X. Becoming Strong: The New Chinese Foreign Policy // Foreign Affairs. June 22, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-22/becoming-strong> (accessed: 09.10.2024).

²⁰ Latham A., Moeimi A. Unraveling China's Grand Strategy // Institute for Peace and Diplomacy. February 26, 2025. URL: <https://peacediplomacy.org/2025/02/26/unraveling-chinas-grand-strategy-its-aim-is-to-erode-u-s-global-hegemony-not-seek-world-domination/> (accessed: 09.03.2025).

очередь китайские эксперты начали фокусироваться на глубоком изучении тенденций изменения «большой стратегии» США, чтобы адекватно управлять собственной «большой стратегией»²¹. В свою очередь со времен первого президентства Д. Трампа Пекин также приобрел значительно больше опыта в борьбе с волатильностью и неопределенностью политики Вашингтона²².

Трансформация «большой стратегии» КНР: последствия

Современная «большая стратегия» КНР находится под сильным влиянием «школы Цинхуа», возглавляемой профессором Янь Сюэтуном. Его теория «морального реализма» предлагает политически ориентированную стратегию подъема КНР и стратегию национального возрождения, ядром которой являются непрерывные политические реформы и инновации (Yan, 2019a).

Среди китайских ученых существуют разные взгляды на меняющуюся глобальную роль КНР в эпоху стратегического соперничества с США. Так, некоторые исследователи полагают, что перед КНР стоят две основные цели: «модификация путем лидерства» и «модификация путем сотрудничества» (Tang, 2018). Подъем КНР приведет к трансформации как ее глобальной роли, так и международной системы в целом (Yan, 2020, p. 321). КНР все больше внимания уделяет позиционированию себя и содействию формированию более устойчивой международной системы (Allison, 2020; Chen & Zhang, 2020; Yan, 2019b).

С точки зрения дипломатии концепция «отношений между крупными державами», принятая Китаем, сигнализирует о дипломатической переориентации на сотрудничество с различными странами в соответствии с его

меняющейся глобальной ролью, особенно в управлении отношениями с крупнейшими державами Глобального Севера. Внешняя политика КНР в эпоху, предшествующую началу стратегического соперничества, носила оборонительный характер (Nathan & Scobell, 2012). Так, например, трансформация «большой стратегии» КНР (табл. 3) определяет более гибкую дипломатию в отношении ЕС, сосредоточенную на взаимном экономическом росте в эпоху после пандемии и одновременном снижении геополитической напряженности. В результате политика Евросоюза в отношении Китая постепенно трансформировалась после периода геополитической нестабильности, проявившего расхождение по многим вопросам²³. В 2023–2024 гг. конструктивное двустороннее взаимодействие и визиты глав государств придали сильный импульс отношениям между КНР и ЕС²⁴.

Десятилетние усилия КНР по стратегическому сотрудничеству со странами Глобального Юга привели к тому, что Китай достиг сравнительного преимущества в контексте соперничества с США. Порт Чанкай, начавший работу в 2024 г., и новый мегапроект сухопутно-морского коридора в Латинской Америке не только знаменуют новую эру всестороннего взаимодействия между КНР и этим регионом²⁵, но и раскрывают «большую стратегию» Пекина по созданию «портовой цепи» для уравнивания подходов Вашингтона к сдерживанию КНР посредством создания «островной цепи».

²¹ Expert Predicts Four Major Trends of U.S. Global Strategy in 2024 // Xiahuanet. January 19, 2024. URL: <https://english.news.cn/northamerica/20240119/4dec974e22df475a85ff06da178d7a13/c.html> (accessed: 09.03.2024).

²² Yan X. Why China Isn't Scared of Trump // Foreign Affairs. December 20, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/why-china-isnt-scared-trump> (accessed: 13.03.2025).

²³ Fix L., Carlough M. The Trajectory of US — EU Relations in a Tumultuous Year // Elcano Royal Institute. July 22, 2024. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2024/07/ari102-2024-fix-carlough-the-trajectory-of-us-eu-relations-in-a-tumultuous-year.pdf> (accessed: 09.03.2025).

²⁴ Xing Y. Strong China — EU Ties Vital for Global Future // China Daily. January 9, 2025. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/602096> (accessed: 11.03.2025).

²⁵ China, Peru Ready to Build New Land-sea Corridor Connecting Latin America with Asia // The State Council of the People's Republic of China. November 16, 2024. URL: https://english.www.gov.cn/news/202411/16/content_WS67383f28c6d0868f4e8ed0cd.html (accessed: 02.02.2025).

Таблица 3. Классификация «большой стратегии» КНР

Критерии	Элементы «большой стратегии» КНР
Основной принцип	<ul style="list-style-type: none"> – Пять принципов мирного сосуществования – Партнерство без присоединения – Научное развитие – Мирный подъем (китайская модель развития) – Великое национальное возрождение (Основные цели подъема КНР)
Основные интересы	<ul style="list-style-type: none"> – Внутренние интересы: политическая стабильность и социально-экономическое процветание – Международные интересы: сохранение суверенитета и территориальной целостности КНР, рост своего глобального влияния – Тайваньский вопрос (красная линия)
Основные концепции	<ul style="list-style-type: none"> – «Китайская мечта» – «Отношения между крупными державами» – «Дипломатия соседства» («периферийная дипломатия») – «Сообщество единой судьбы человечества» (китайская версия глобализации)
Дипломатия партнерства КНР	<ul style="list-style-type: none"> – Крупные державы (дифференциация на основе экономической мощи страны; включает США, страны ЕС и РФ) – Стратегическая периферия КНР (дифференциация, направляемая «большой стратегией» КНР) – От «стран третьего мира» к «развивающимся странам» и к «Глобальному Югу» (дифференциация на основе трансформации международных отношений) – Многосторонние международные форумы (дифференциация, направляемая глобализацией под руководством КНР)
Сети партнерств КНР	<ul style="list-style-type: none"> – Всеобъемлющее партнерство стратегического взаимодействия, вступающее в новую эпоху (РФ) – Всепогодное стратегическое партнерство по сотрудничеству (Пакистан) – Всеобъемлющее стратегическое партнерство по сотрудничеству (18 стран) – Всеобъемлющее стратегическое партнерство (41 страна, в основном из числа стран Глобального Юга) – Стратегическое партнерство (23 страны)

Источник: составлено Чэн Го на основе: Ministry of Foreign Affairs of Peoples' Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ (accessed: 10.03.2025); The State Council Information Office of the PRC. URL: <https://english.www.gov.cn/> (accessed: 10.03.2025).

В период соперничества между КНР и США китайская интерпретация национальной идентичности своих партнеров динамично трансформируется с геостратегического на геополитический уровень. Китайские эксперты представили модель «связи интересов и угроз» для исследования и классификации сети партнерств КНР (Liu & He, 2023). Исключительная роль Пакистана отражает стратегический периферийный интерес КНР. Особая роль Казахстана и Кыргызстана перекликается со стратегией КНР «Движение на Запад»²⁶, смещая приоритет в сторону

Центральной Азии и усиления механизма саммитов «Китай — пятерка государств Центральной Азии»²⁷.

Традиционно классификация приоритетов КНР определялась торгово-экономическими отношениями, однако в настоящее время «большая стратегия» Китая трансформируется от экономического сотрудничества и партнерств на уровне внешней политики к стратегии создания незападных блоков на геополитическом уровне в ответ на соперничество, развязанное Вашингтоном и коалицией его союзников.

²⁶ Wang J. S. Xijin: Zhongguo diyuan zhanlue de zaipingheng [Движение на Запад: перебалансировка геостратегии КНР] // *Huánqiú Shìbào*. October 17, 2012. (На китайском языке). URL <https://news.sina.cn/sa/2012-10-17/detail-ikmxzfmk1459775.d.html> (accessed: 12.04.2025).

²⁷ Wani A. C+C5 Summit: Beijing's Increasing Shadow over Central Asia // *Observer Research Foundation*. May 29, 2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/cc5-summit-beijings-increasing-shadow-over-central-asia> (accessed: 12.04.2024).

В политическом плане БРИКС, укрепляющий свое влияние среди стран Глобального Юга, становится решающей силой в продвижении незападных подходов к глобальному управлению. Предложение КНР о расширении БРИКС отражает наступательный характер политики Пекина по созданию блоков в ответ на блоковую политику США. Растущая проблема блокового соперничества для КНР в основном отражает обеспокоенность Пекина вопросами безопасности, поскольку Вашингтон фактически трансформировал «большую семерку» (G7) и Организацию Североатлантического договора (НАТО) в антикитайские альянсы, в то время как «Квад» и АУКУС играют роль «азиатских НАТО», окружающих КНР²⁸. Стратегически расширение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) за счет потенциального членства большего количества евразийских государств может сделать из нее ведущий незападный военно-политический блок. КНР также занимает лидирующее положение во ВРЭП, что позволяет сбалансировать негативное влияние торгового протекционизма Вашингтона и политики «декаплинга» и менять глобальный торговый ландшафт. КНР также фокусируется на более дискурсивной силе, представляя незападные державы в G20.

Модернизация — еще один ключевой компонент «большой стратегии» КНР. Инициатива ОПОП изначально является элементом глобальной стратегией КНР по развитию инфраструктуры, ориентированной на модернизацию и взаимосвязанность. Запуск ОПОП еще больше углубил экономическую взаимозависимость между КНР и 149 странами и 32 международными организациями и способствовал росту глобального влияния КНР²⁹.

²⁸ Green M. J. Never Say Never to an Asian NATO // Foreign Policy. September 6, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/09/06/asian-nato-security-alliance-china-us-quad-aukus-japan-australia-taiwan-military-biden/> (accessed: 13.04.2024).

²⁹ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // The State Council Information Office of the People's Republic of China. October 2023. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202310/t20231010_773734.html (accessed: 13.04.2024).

Развитие инициативы ОПОП за последнее десятилетие показывает ее трансформацию из «инициативы/плана развития» в период до-стратегического соперничества в «стратегию развития» и «модель развития» в современную эпоху стратегического соперничества. Быстрорастущее влияние инициативы ОПОП среди стран Глобального Юга дает КНР рычаги для хеджирования негативного влияния последствий стратегического соперничества и делает возможным сценарий создания блока, основанного на концепции «Одна ось, два крыла»³⁰. Потенциальное формирование «Клуба ОПОП» могло бы создать крупнейший блок и изменить глобальный геополитический ландшафт. В свою очередь технологический компонент инициативы ОПОП, Цифровой Шелковый путь (ЦШП), играет роль цифрового моста для развития технологического сотрудничества и модернизации (Cheng, 2022, p. 271).

Заключение

Проанализировав процесс трансформации «большой стратегии» КНР в контексте стратегического соперничества между КНР и США, автор приходит к выводу, что именно это соперничество и политика США в отношении Китая вынуждают Пекин преобразовывать свою «большую стратегию» из защитной в наступательную модель. Более того, реализация внешней политики КНР становится более прагматичной в обслуживании ее основных глобальных интересов и уравнивании конфронтационных подходов США к двусторонним отношениям.

Трансформация «большой стратегии» побуждает КНР более активно участвовать в региональных и глобальных делах. Пандемия COVID-19 стала поворотным моментом для этого важного сдвига, а множественные

³⁰ Данная концепция подразумевает Китай как главную ось Глобального Юга, «западное крыло» — это Западная Азия, страны Центральной и Восточной Европы, а также Африка, а «восточное крыло» — это страны Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC). Подробнее см.: (Cheng et al. 2019, p. 78).

региональные кризисы ускоряют этот процесс. В частности, наблюдается растущая тенденция, когда Вашингтон сосредоточивается на противодействии КНР на двустороннем уровне, а Пекин формулирует свою «большую стратегию» и принимает контрмеры в многостороннем формате.

Трансформация «большой стратегии» КНР также обуславливает усилия Пекина по созданию и укреплению глобальных партнерских сетей в контексте соперничества с США, а также развитию взаимодействия со странами Глобального Юга в рамках инициативы ОПОП. Кроме того, Пекин начинает фокусироваться на достижении геополитических целей посредством участия в решении широкого круга вопросов глобальной повестки.

Таким образом, стратегическое соперничество между КНР и США изменило геополитическую обстановку для КНР. С одной

стороны, вернувшийся в Белый дом в качестве президента Д. Трамп начал новый раунд «технично-экономической войны» против КНР, анонсировав амбициозный проект *Stargate*, и возобновил торговую войну. С другой стороны, понимание Вашингтоном своей пересмотренной «большой стратегии», в которой в значительной степени доминирует «менталитет холодной войны», нагнетание страха вокруг амбиций Китая, а также выдвижение соперничества с КНР в качестве приоритета во внешней политике США, — все это может оттолкнуть некоторых партнеров США. Очевидно, что широкомасштабные изменения тарифов, начатые Д. Трампом, и вызванный этим дипломатический хаос нанесли ущерб репутации Соединенных Штатов. В этой связи, как представляется, Китай ускорит процесс трансформации своей «большой стратегии».

Поступила в редакцию / Received: 16.04.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 14.01.2025
Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Грачиков Е. Н., Чжоу С. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 8. С. 70–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-70-83>; EDN: IXPUZZ
- Грачиков Е. Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022. Т. 17, № 1. С. 7–24. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-01>; EDN: ZDZJNP
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 2. С. 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>; EDN: PXYZEE
- Матвеева Н. В., Чжао Ф. «Один пояс, один путь»: место Китая в глобальной модели «двойной циркуляции» // *Московский экономический журнал*. 2021. № 9. С. 107–117. EDN: QJXOLW
- Шарипов Ф. Ф., Тимофеев О. А. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. <https://doi.org/10.31857/S013128120025383-2>; EDN: BBFDWU
- Allison G. *The New Spheres of Influence: Sharing the Globe with Other Great Powers* // *Foreign Affairs*. 2020. Vol. 99, no. 2. P. 30–40. URL: <https://www.jstor.org/stable/26892661> (accessed: 18.03.2024).
- Allison G. *Destined for War : Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, MA : Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Balzacq T., Krebs R. R. *The Oxford Handbook of Grand Strategy*. Oxford : Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198840299.001.0001>
- Chen Zh., Zhang X. Chinese Conception of the World Order in a Turbulent Trump Era // *The Pacific Review*. 2020. Vol. 33, no. 3–4. P. 438–468. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>; EDN: HWVNWY
- Cheng G. China's Digital Silk Road in the Age of the Digital Economy: Political Analysis // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 271–287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287>; EDN: CWJLIN

- Cheng G., Chen Lu, Degterev D. A., Zhao J. Implications of “One Belt, One Road” Strategy for China and Eurasia // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19, no. 1. P. 77–88. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88>; EDN: GDGJEF
- Cheng Y. Dazhanlue de sixiang yu shijian: xingcheng, tezheng yu yanjin [Мысль и практика «большой стратегии»: формирование, характеристики и эволюция] // Shixue Yuekan [Ежемесячник исторической науки]. 2018. No. 2. P. 21–27. (На китайском языке).
- China’s Grand Strategy: A Roadmap to Global Power? / ed. by D. B. H. Denoon. New York : New York University Press, 2021. <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479804085.001.0001>
- Doshi R. The Long Game: China’s Grand Strategy to Displace American Order. New York : Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197527917.001.0001>
- Dou G. Meiguobainian quanqiu zhanlue [Столетняя глобальная стратегия Соединенных Штатов]. Beijing : Social Sciences Academic Press, 2024. (На китайском языке).
- Fingar T., Lampton D. M. China’s America Policy: Back to the Future // The Washington Quarterly. 2023. Vol. 46, no. 4. P. 43–63. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2023.2285541>; EDN: VNUBHX
- Gaddis J. L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. 1992. Vol. 17, no. 3. P. 5–58. <https://doi.org/10.2307/2539129>
- Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511664267>
- Goldstein A. Rising to the Challenge : China’s Grand Strategy and International Security. Redwood City : Stanford University Press, 2005. <https://doi.org/10.1515/9780804756556>
- Himmer M., Rod Z. Chinese Debt Trap Diplomacy: Reality or Myth? // Journal of the Indian Ocean Region. 2022. Vol. 18, no. 3. P. 250–272. <https://doi.org/10.1080/19480881.2023.2195280>; EDN: JACXII
- Jiang Y. The Rise and Fall of the Wolf Warriors // Crisis / ed. by J. Golley, L. Jaivin, S. Strange. Canberra : ANU Press, 2021. P. 33–38. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1m9x316.9>
- Kachiga J. The Pulse of China’s Grand Strategy. London : Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003254867>
- Krieger G. China’s Grand Strategy: A Roadmap to Global Power? Edited by David B. H. Denoon. New York: New York University Press. 2021. 336 pp. £96.00. ISBN 9781479804085. Available as e-book // International Affairs. 2022. Vol. 98, no. 3. P. 1117–1119. <https://doi.org/10.1093/ia/iia033>; EDN: MXUCJS
- Liu F., He K. China’s Bilateral Relations, Order Transition, and the Indo-Pacific Dynamics // China Review. 2023. Vol. 23, no. 1. P. 11–43. URL: <https://www.jstor.org/stable/48717987> (accessed: 12.12.2023).
- Mastanduno M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and U.S. Grand Strategy after the Cold War // International Security. 1997. Vol. 21, no. 4. P. 49–88. <https://doi.org/10.2307/2539283>; EDN: HIEYXX
- Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics : upd. ed. New York : W. W. Norton & Company, 2014.
- Men H. China’s Grand Strategy : A Framework Analysis. Singapore : Springer, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-4257-2>
- Miles M. D., Miller Ch. R. Global Risks and Opportunities: The Great Power Competition Paradigm // Joint Forces Quarterly. 2019. No. 94. P. 80–85. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-94/jfq-94_86-91_Miles-Miller.pdf?ver=2019-07-25-162025-130 (accessed: 12.04.2024).
- Mukherjee R. Ascending Order : Rising Powers and the Politics of Status in International Institutions. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. <https://doi.org/10.1017/9781009186803>
- Nathan A. J., Scobell A. How China Sees America: The Sum of Beijing’s Fears // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91, no. 5. P. 32–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/41720859> (accessed: 12.12.2023).
- Nye J. S., Jr. How Not to Deal with a Rising China: A US Perspective // International Affairs. 2022. Vol. 98, no. 5. P. 1635–1651. <https://doi.org/10.1093/ia/iia0117>; EDN: YWWDRN
- Nye J. S., Jr. Soft Power and Great-Power Competition : Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China. Singapore : Springer, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0714-4>
- Organski A. F. K. World Politics. New York : Alfred A. Knopf, 1958.
- Porter P. Why America’s Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the U.S. Foreign Policy Establishment // International Security. 2018. Vol. 42, no. 4. P. 9–46. https://doi.org/10.1162/isec_a_00311
- Posen B. R. Restraint : A New Foundation for U.S. Grand Strategy. Ithaca and London : Cornell University Press, 2014. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt5hh0db> (accessed: 01.04.2024).
- Renshon J. Fighting for Status : Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton : Princeton University Press, 2017. <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691174501.001.0001>; EDN: VCMXPW
- Silove N. Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy” // Security Studies. 2018. Vol. 27, no. 1. P. 27–57. <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1360073>

- Song D.* Zhongguo jueqi de dazhanlue lilun goujian [Теоретическая конструкция «большой стратегии» растущего Китая] // // Guoji Zhanwang [Международное обозрение]. 2013. Vol. 3. P. 27–46. (На китайском языке).
- Tang S.* China and the Future International Order(s) // *Ethics & International Affairs*. 2018. Vol. 32, no. 1. P. 31–43. <https://doi.org/10.1017/S0892679418000084>
- Wang F.* Zhongguo wajiao de zhanlue paixu yu duomubiao jueze [Стратегическое ранжирование и многоцелевое принятие решений в китайской дипломатии] // *Wajiao Pinglun* [Обзор иностранных дел]. 2022. Vol. 39, no. 2. P. 1–20. (На китайском языке). <https://doi.org/10.13569/j.cnki.far.2022.02.001>
- Wang J.* China's Search for a Grand Strategy: A Rising Great Power Finds Its Way // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90, no. 2. P. 68–79. URL: <http://www.jstor.org/stable/25800458> (accessed: 01.04.2024).
- Wang J.* China's Search for Stability with America // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84, no. 5. P. 39–48. <https://doi.org/10.2307/20031704>
- Wang J.* The Plot Against China? How Beijing Sees the New Washington Consensus // *Foreign Affairs*. 2021. Vol. 100, no. 4. P. 48–57. URL: <https://www.jstor.org/stable/27121350> (accessed: 10.02.2024).
- Winkler S. Ch.* Strategic Competition and US — China Relations: A Conceptual Analysis // *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. Vol. 16, no. 3. P. 333–356. <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>; EDN: DGTDWJ
- Yan X.* Bipolar Rivalry in the Early Digital Age // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13, no. 3. P. 313–341. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaa007>; EDN: TOAWUU
- Yan X.* Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019a. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77dc8>
- Yan X.* The Age of Uneasy Peace: Chinese Power in a Divided World // *Foreign Affairs*. 2019b. Vol. 98, no. 1. P. 40–46. URL: <https://www.jstor.org/stable/26798009> (accessed: 24.04.2024).
- Zhang F.* China's New Engagement with Afghanistan after the Withdrawal // *LSE Public Policy Review*. 2022. Vol. 2, no. 3. P. 1–13. <https://doi.org/10.31389/lseppr.52>
- Zhu F.* Zhongmei zhanlue jingzheng yu dongya anquan zhixu de weilai [Стратегическое соперничество КНР — США и будущее восточноазиатской безопасности] // *Shijie jingji yu zhengzhi* [Мировая экономика и политика]. 2013. No. 3. P. 9–12. (На китайском языке).

Сведения об авторе:

Чэн Го — кандидат исторических наук, научный сотрудник Школы иностранных языков, Нанкинский университет науки и технологий; аспирант кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3476-0140; ORCID: 0000-0003-4927-6596; e-mail: ivanc25@yahoo.com